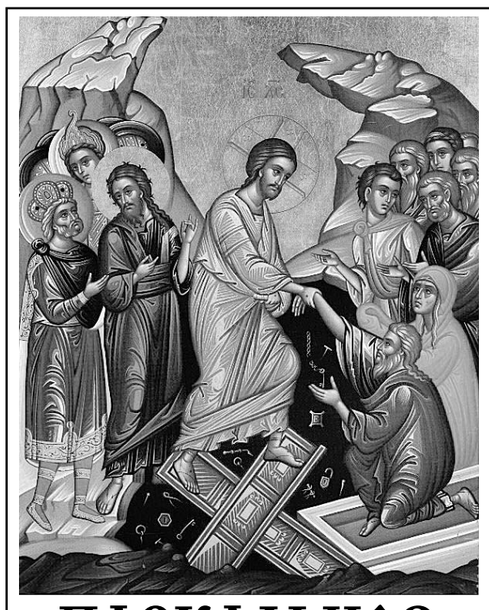
ЗАВТРА — СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ



ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Совершают этот спасительный переход и целые народы, духовно окормляемые нашей Святой Церковью. От тьмы неверия они идут к свету Христову, возрождаясь и обновляясь духовно. Все больше и больше в нашем отечестве и за его рубежами, в многомиллионном русском рассеянии, людей, имеющих во Христе «жизнь... с избытком» (Ин. 10, 10), а значит, по-настоящему счастливых, владеющих истиной полноты бытия.

Да, нам предстоит еще много потрудиться в винограднике Христовом. Но ваша проповедь и добрые дела, возлюбленные мои, уже принесли сторичный плод, и многие из вас достойны услышать слова Господа: «Добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего» (Мф. 25, 21).

Средоточие нашей веры, нашего свидетельства миру, всей нашей жизни — благая весть о Христовом Воскресении. Пасхальная радость была естественным состоянием духа для наших святых. Преподобный Серафим Саровский каждого приходившего к нему приветствовал словами: «Радость моя, Христос воскресе!». Святого праведного Иоанна Кронштадтского, 180-летие со дня рождения и 100-летие со дня блаженной кончины которого мы отмечаем в нынешнем году, называли в народе «пасхальным батюшкой». «Люблю я взирать, — писал он в своем дневнике, — на образ Воскресшего Жизнодавца со знамением в руке, с этим символом победы над смертью и имущим державу смерти — диаволом. Где ти, смерти, жало? Где ти, аде, победа? Какой славный Победитель!»

Будем же твердо идти по пути Христову, исполняя апостольский завет: «Более и более старайтесь делать твердым ваше звание и избрание; так поступая, никогда не преткнетесь, ибо так откроется вам свободный вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа» (2 Пет. 1, 10-11).

И как бы трудно ни было нам на этом пути, не будем унывать, «зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собою» (2 Кор. 4, 14). Это светлое упование озарит жизнь наших семей, общин и народов светом духовным, и мир и счастье воцарятся в наших домах, городах и весях.

Ныне, когда сердце мое исполнено этой великой радости, всех вас, дорогие мои, сердечно поздравляю с праздником Святой Пасхи, обращая к вам слова вечного, идущего от времен апостольских, передаваемого из рода в род приветствия:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

Спешу разделить пасхальное ликование со всеми православными людьми мира, с каждым, кто призывает в молитве имя Христово. Пусть наша радость достигнет и тех, кто еще только ищет спасительную веру и стремится жить с православными христианами в мире и добрососедстве.

Мир, радость духовную, здравие, спасение и во всем благое поспешение да дарует всем вам Воскресший Христос Спаситель!

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
Пасха Христова
2008 года
Москва

«Моя семья — прихожане»

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

— Отец Иероним, мы бы хотели попросить вас обратиться со страниц нашей газеты к орловцам с пасхальным поздравлением...

— Мне не совсем удобно это сделать. Это будет преждевременно, ведь я еще не рукоположен во епископа. Существует определенный этикет, и это будет нарушением.

— Расскажите, как вы будете встречать этот праздник в кругу своих прихожан в храме Григория Неокесарийского в Москве?

— У нас будет совершаться торжественная Пасхальная служба, которая обычно заканчивается в четыре—половине пятого утра. Я обращусь к прихожанам со словами вечно живого пасхального приветствия. После этого мы обменяемся пасхальными яйцами. У нас в храме, в Боголюбском приделе, устраивается чайный стол, там ставим два огромных 40-литровых самовара, куличи и сладости... И все разговляются.

— У вас большой приход?

— Храм в течение года посещают несколько тысяч верующих. В Великий четверг, например, только причащалось 250 человек. На Вербное воскресенье было в два раза больше. Я храм принял в 1994 году, по благословению Патриарха, когда еще не было даже приходской общины, храм после лихолетья безбожия — ни окон, ни дверей, ни иконостаса... Все выломано, электричества не было. И вот потихонечку мы начали его восстанавливать. Первая служба моя здесь была на Покров. А первая Пасхальная служба — в 1995 году. За это время образовалась община. В приходе люди не случайные: здесь каждый человек избрал для себя именно наш храм — долго ходил по Москве, прислушивался, приглядывался... А ведь в Москве очень много храмов, а в Замоскворечье, где мы находимся, и вовсе большая их концентрация, здесь есть храмы, которые никогда, даже в советское время, не закрывались — например, храм св. Иоанна Мученика Воина, храм Всех Скорбящих Радость, храм Николы в Кузнецах... И вот в конечном итоге человек становился нашим прихожанином. По каким-то конкретным причинам: понравилась архитектура храма, росписи, пение... Так нам удалось создать большой приход.

Поскольку я выходец из Свято-Данилова монастыря, в храме существует мужской однородный хор, да и сама служба построена по монастырскому уставу. Есть песнопения «на подобны», то есть по подобию сложившихся напевов, например, в Троице-Сергиевой лавре или Киево-Печерской. Несмотря на то, что певцы у нас люди светские, очень многие имеют по два, по три музыкальных образования, у каждого консерватория за плечами, и они с листа поют богослужебные тексты. А ведь некоторые и не положены на ноты, и они поют их на мелодический мотив. Так что вот у нас такой замечательный хор будет петь на Пасху.

— Клир большой в храме?

— Один штатный священник, штатный дьякон, еще один заштатный священник прикомандирован и заштатный дьякон. Нам хватает, в общем-то, мы управляемся, поскольку некогда скучать, дел много, и такой режим заставляет находиться в постоянном рабочем состоянии. Мы всегда — днем и даже ночью — «на боевом посту».

В Пасхальную ночь мы причащаем всех желающих. Есть у нас такая традиция — в некоторых храмах не причащают в это время, а мы причащаем, потому что причаститься в Пасхальную ночь очень многие хотят. От этого удлиняется служба: минут 35—40 я стою со Святой Чашей — причащаю.

О. Иероним (Чернышов) освящает пасхальную снедь.

— И у нас в епархии теперь будут такие традиции?

— Как говорится, в чужой монастырь со своим уставом не ходят, мы будем уважать традиции, сложившиеся на Орловщине, ни в коем случае ничего не будем насаждать, ведь у вас служили такие знаменитости, у вас прекрасное духовенство, очень много того, чему даже, может быть, надо и поучиться.

— Если хорошие традиции, которые орловцам полюбятся, то неплохо было бы их и перенять...

— Понимаете, ведь епархия — это не монастырь, ведь в монастыре свои условия и порядки, а на приходах — другие. Вот здесь, в нашем храме, удалось немножко приблизиться к монастырской службе — в хоре, например — и слава Богу. Но очень красиво и смешанные хоры поют...

— Вы начинали духовное служение послушником в монастыре, а кто был вашим наставником?

— Постригал меня владыка Тихон Емельянов, сейчас он архиепископ Новосибирский. Он меня постригал в монашество в честь святого блаженного Иеронима Стридонского (день ангела — 15 июня. — ***Прим. ред.***). А поступил я в Свято-Данилов монастырь осенью 1987 года. После школы я отучился два курса в Воронежском государственном педагогическом институте на историческом факультете. Учился на «отлично», учился очень усердно. Потом был призван в армию (тогда при институтах не было военных кафедр), отслужил два года в армии — служил в городе Коломне, в ракетных войсках артиллерии сухопутных войск. После армии восстановился в институте, но что-то учеба не шла, потому что, видимо, не было благословения Божия. Я пришел к своему духовному отцу, старцу-схимнику, архимандриту Серафиму, был у нас в Воронежской области такой молитвенник. Из старинных почаевских послушников, связанный и с Глинской пустынью. У него в церкви в селе Ожога были уставные молитвенные службы, я к нему ездил и перед армией. И вот он меня благословил бросить институт и поступать в семинарию. Я спросил: «Батюшка, как же? Все-таки исторический факультет — может быть, это мне пригодится в церкви...». А он мне говорит: «Поступай в семинарию — наша духовная семинария самая «историческая»: никаких других факультетов не надо».

Но для того чтобы поступить в семинарию, нужна рекомендация. А поскольку у себя в Воронеже я был просто прихожанином; не был алтарником, не был ни чтецом, ни певцом, просто тайно от своих сверстников ходил в храм. И вот чтобы заслужить рекомендацию, я поступил в Свято-Данилов монастырь. А попал как раз в 1988 году, накануне празднования 1000-летия Крещения Руси, т.е. попал в самую гущу событий. Владыка Тихон (тогда он был там наместником) взял меня в секретари, и я занимался документами, сидел «на телефоне», делегации различные встречал, экскурсии проводил. Тогда очень много гостей было, среди них — известные люди. Например, Горбачев, Раджив Ганди, Рональд Рейган. А в сентябре я поступил в Московскую духовную семинарию. Год отучился: общение с монахами, с лаврой, ранние полунощницы, молитвы у гроба преподобного Сергия... — это произвело на меня неизгладимое впечатление, и я принял монашество в 1990 году. На это меня благословил архимандрит Кирилл (Павлов) — знаменитый духовник Троице-Сергиевой лавры. И я после первого класса семинарии вернулся в Данилов монастырь, принял постриг, был рукоположен на Сретение 15 февраля во дьякона, а на Троицу — во иеромонахи. Вот такие коротенькие у меня расстояния между принятием дьяконовского и священнического сана. И потом учился заочно. Монастырские послушания не всегда позволяли вовремя приезжать на экзамены, на зачеты, поэтому моя учеба несколько растянулась. И вот только когда я стал настоятелем храма Григория Неокесарийского на Большой Полянке в Москве — в октябре 1994 года, на Покров, здесь мне стало попроще учиться. Я свое время уже сам планировал: занимался и учебой, и восстановлением храма.

— У вас большая практика восстановления храмов — вот и Данилов монастырь нашему духовенству тоже ведь пришлось поднимать с голых, считай, стен — правда, я была там в 1990 году, после празднования тысячелетия Крещения Руси, когда там уже все было восстановлено в самом блестящем виде...

— В Даниловом монастыре мне не приходилось заниматься непосредственно строительством, а вот здесь, на Большой Полянке, да, пришлось потрудиться. Кроме того, Святейший благословил меня на строительство Центра православного наследия в Переделкино — это большой комплекс, резиденция Святейшего Патриарха. Строительство вел «Газпром», курировал стройку Ю.М. Лужков. А я был представителем Святейшего Патриарха: все вопросы, которые возникали к Церкви, я доносил до Святейшего. В общем, был связующим звеном.

— Известно о вашей благотворительной деятельности...

— Мы помогаем малоимущим прихожанам нашего храма. Каждое воскресенье у нас раздается бесплатно хлеб для всех, кто приходит в храм. Накрываются и благотворительные обеды. Много раз устраивали праздничную трапезу для ветеранов на 9 мая, на престольный праздник, на Рождество, на Пасху, на многие другие праздники. У нас есть подшефные воинские подразделения: отдельный 154-й комендантский полк и батальон охраны штаба Московского военного округа. На Пасху посылаем каждому солдату по куличу, на медовый Спас — мед.

— Отец Иероним, а чем вы любите заниматься в свободное время?

— Свободного времени у меня практически не бывает: посмотрите церковный календарь — там одни праздники. А праздники — это, как известно, самая работа для священников. А если и есть какое-то свободное время, оно у меня обязательно имеет церковную окрашенность. Если куда-то еду в поездку, то это либо какая-то православная святыня — например, вот я посещал Киево-Печерскую лавру, Псково-Печерский монастырь, Дивеево, Задонск — хочется соприкоснуться с историей Отечества нашего, с историей Русской православной церкви... Поэтому все мои внебогослужебные занятия тоже имеют церковную окрашенность.

— У вас, я слышу, в комнате птицы поют...

— Да, у нас тут уголочек живой такой: два кенара живут — они очень любят петь — и маленькая-маленькая собачка, карликовый шпиц, две кошки. Здесь райский уголок — есть и цветы, растения, птицы, животные... Все должно быть в гармонии.

— А вы со своими родными общаетесь?

— У меня родители умерли. И моими родными стали люди, с которыми я многие годы в храме работаю.

— Вы один были у родителей?

— У меня есть брат. Но он избрал мирской образ жизни, не церковный, и у меня с ним нет общих точек соприкосновения. Я молюсь за него, но такого прямого общения нет.

— Вы живете при храме?

— Да, я живу в основном здесь, хотя у меня есть городская квартира, осталась от мамы.

— А в Орле вы намерены жить в архиепископском доме, в резиденции, построенной специально для правящего архиерея?

— Вот обо всем этом я имею еще очень смутное представление.

— Вы сказали: ваша семья — прихожане. Что будет на общем вашем пасхальном столе, чем вы будете разговляться?

— Кулич, крашеные яйца, творожная пасха — всё, как водится за всяким православным столом.

Пользуясь случаем, я хочу поздравить всех читателей газеты «Орловская правда» — не как официальное лицо, а как настоятель одного из столичных храмов — со Светлым праздником Христова Воскресения и передать вечно живое пасхальное приветствие: «Христос воскресе! Воистину воскресе!».

Интервью взяла
Татьяна ПАВЛОВА.

БЛАГОСЛОВЕННЫЕ ХЛЕБА

В Страстную неделю во всех православных церквах кипит напряженная жизнь: каждый день совершаются особые службы. В первые три дня — литургия преждеосвященных даров; в Великий четверг верующие причащаются, в соборе совершается чин умовения ног (в память о примере смирения, который дал Христос своим ученикам на Тайной Вечере), а также освящение мира (благовонного масла для миропомазания); в Великий пяток читаются 12 эпизодов Евангелия о страданиях Христа, в конце службы совершается вынос Плащаницы, изображающей тело Господа (символизирует перенос тела Христа с Голгофы в могилу); в субботу верующие целый день приходят на поклонение «гробу Господню», покрытому Плащаницей, на вечерне в песнопениях изображается нисхождение Христа в ад. А есть еще и, так сказать, закулисная работа. Ведь в храме, как в театре, есть множество служб, которые обеспечивают всем необходимым для совершения литургий и треб. Заглянем в одну из таких служб.

Мы на территории Афанасьевской церкви. Собственно, правильное ее название — во имя Воскресения Христова. В нескольких шагах от храма — небольшой домик, здесь размещаются крестильня и — о какой головокружительный запах свежевыпеченного хлеба! — просфорная: здесь выпекают просфоры.

Просфора, или просвира (с греческого — «приношение»), проскура — это небольшая круглая булочка, выпекаемая из пресного пшеничного теста, на верхней корочке вытеснено изображение четырехконечного креста и буквы IC, XC, NI, KA (буквы слов : Иисус Христос — Ника («победитель»). Просфоры — это хлеба, которые используются для причащения. В первой части литургии (проскомидии) совершаются приготовление хлеба и вина и чудесное их пресуществление (преобразование, изменение субстанции) в Тело и Кровь Иисуса Христа для таинства евхаристии (причащения). Во время литургии священник вырезает из одной служебной просфоры (всего их используется пять) так называемого агнца, которого крестообразно разрезает, осуществляя тем самым символическое жертвоприношение. Это великое таинство, во время которого Тело и Кровь Христовы воплощаются в хлеб и вино. «Хлеб... ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в мое воспоминание», — сказал Иисус. «Нет хлеба дороже, как в просфоре», — говорит пословица.

В просфорной нас встретили две милейшие женщины-просфорницы: Прасковья Ивановна Петракова и Александра Архиповна Валуенкова. Чистенькие, аккуратные, ясные — сами, как херувимчики. А как же! Святым делом заняты, церковные хлеба чистоты душевной требуют.

— Мы регулярно причащаемся, все болезни соборованием лечим, потому душой молоды, — говорит Прасковья Ивановна, о которой никогда не скажешь, что ей уже восемьдесят лет почти. — Вот как раз сегодня мне без году восемь десятков исполняется. Верить в Бога — это жизнь. Вот откуда силы беру, — приговаривает она, не переставая готовиться к стряпне, да нет, к священнодействию.

Кто хоть раз причащался в храме Воскресения, знает: просфорки здесь, даже если засохнут, все равно во рту тают. Это особый секрет. И просвирни (как называли церковных стряпух в старину) поделились этим секретом с нами.

— Разводим, как обычно, муку теплой водой, а потом завариваем крутым кипятком, получается такая густая-густая, чтоб ложка не тонула, болтушка, и вот в нее уже, когда остынет, надо добавлять дрожжи и ставить опару. Вот тогда хлеб будет нежный, как мед (и правда, у Даля в словаре говорится: «Многие любят просвирное тесто, тонкое и крутое»).

Захлопотали наши подружки, уже подошедшее тесто, загодя поставленное, на стол выложили. Рядом разместили какие-то диковинные металлические прилады: оказалось, это формы, при помощи которых из раскатанного пласта теста вырезаются круглые просфоры, а потом на них оттискиваются крест и буквы. Александра Архиповна приговаривала: «Все вокруг себя крестим, да и на святой воде замешиваем — ведь хлеба не простые, для святого причастия».

У Прасковьи Ивановны такая трогательная манера глядеть пристально-прямо в глаза собеседнику, и от этого не становится неловко, а, наоборот, как-то теплеет на душе и весело, что человек такой бесхитростно-открытый, чистый, доверчивый говорит с тобой. Недаром в народе считается, что просвирница должна быть безукоризненной нравственной чистоты. Даже поговорка такая есть: «Ты не просвирнин сын, сквозь тебя не видно», т.е. даже домашние в семье просвирни кристально чистые.

— У меня весь род — церковный, с Украины мы, — бодро раскатывает она лепешку.— В 1960 году в Орел с мужем Петром приехали, мы с ним уже 53 года вместе прожили. И Бог от ссор миловал: наверное, молитвенное настроение, вот здесь, за хлебами, накопленное, злу не дает ходу.

Мерно гудела за спинами женщин месильная машина, вымешивавшая очередную порцию теста. Просфоры здесь пекут каждую неделю, под праздники.

— Вот агничная просфора, — продолжает просвещать нас Прасковья Ивановна,— из нее агнца вынимают для причастия. А оставшиеся части — это антидоры, их раздают тем, кто не успел причаститься, после литургии. А вот еще благословение хлебов бывает — это когда на всенощной благословляет батюшка хлеба и пшеницу. Это, значит, чтобы помнить о том, как Иисус Христос пятью хлебами пять тысяч человек насытил.

Залюбовалась я на наших чудесных стряпух. Прасковья Ивановна здесь уже 25 лет, Александра Архиповна — 15. Они, как оказалось, еще и певчими в храме поработать успевают. А Прасковья Ивановна, закончив работу в просфорной, достав из печи румяные просфорочки, показала нам еще одно произведение своих рук: вышитые бисером церковные бархатные покрывала — райские цветы на пурпурном поле.

Татьяна ПАВЛОВА.